

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ В РУССКОЙ АНТИУТОПИИ XXI ВЕКА

И. С. Скоропанова

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск,
Беларусь, ruslit@bsu.by*

В статье рассматриваются антиутопии Ю. Зонис «ЗК» и В. Сорокина «Манарага», посвященные судьбе литературы в восторжествовавшем цифровом мире будущего. Вскрывается односторонность в развитии человеческой цивилизации, обозначившаяся уже сегодня и выражающаяся в абсолютизации высоких технологий при соответственном умалении роли культуры как фактора, способствующего духовнонравственному совершенствованию человека. Представляет культуру в антиутопиях литература. Писатели фиксируют ее вытеснение из жизни людей, разрыв с ценностями, завещанными классикой, разрастающуюся «дебилизацию» населения. Осмеянию воссоздаваемой деградации служат различные виды комического и поэтика абсурда.

Ключевые слова: антиутопия; цифровое будущее; литература; рыночные спекуляции; люди-дебилы; абсурд.

THE DESTINY OF LITERATURE IN THE DIGITAL AGE IN THE RUSSIAN DYSTOPIA OF THE XXI CENTURY

I. S. Skoropanova

Belarusian State University, K. st. Marksa, 31, 220030, Minsk, Belarus, ruslit@bsu.by

The article examines the dystopias of Y. Zonis “ZK” and V. Sorokin “Manara-ga”, dedicated to the fate of literature in the triumphant digital world of the future. The onesidedness in the development of human civilization is revealed, which has already become apparent today and is expressed in the absolutization of high technologies with a corresponding belittlement of the role of culture as a factor contributing to the spiritual and moral improvement of man. Literature represents culture in dystopias. Writers document its displacement from people’s lives, the break with the values bequeathed by the classics, and the growing “moronization” of the population. Various types of comic and poetics of the absurd serve to ridicule the recreated degradation.

Key words: dystopia; digital future; literature; market speculation; people are morons; absurd.

Еще в середине XX века прогремел роман американского фантаста Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» (1952), повествовавший о будущем, в котором ведется борьба с книгами, и косвенным образом направленный

против маккартизма. Последствия отказа от литературного наследия в гротескно-фантастическом ключе показала Татьяна Толстая в романе «Кысь» (2000), приравнивая их к последствиям Третьей мировой войны: из-за ненормальных условий существования выжившие превратились в недоразвитых мутантов-уродов, тогда как литература способствует духовно-нравственному совершенствованию людей. Минувшие десятилетия продемонстрировали, что наступление на литературу не прекратилось, но борьба с ней чаще принимает замаскированные формы. Виктор Пелевин в романе «Т» (2009) вскрыл тенденцию превращения литературы конца XX – начала XXI вв. в значительной ее части просто в рыночный продукт, изготавливаемый в соответствии с коммерческой конъюнктурой и установкой оплачивающего издания, оттесняя настоящую литературу на периферию, лишая ее широкого влияния. Наконец, последнее веяние, связанное с умалением роли литературы в жизни общества, – его начавшаяся цифризация.

Современную эпоху нередко называют эпохой техногуманизма, ибо безмерно выросла роль новых технологий, включая нанотехнологии, биотехнологии, генную инженерию, клонирование, нацеленных на изменение в том или ином отношении самой природы человека, продление его жизни и даже, как рассчитывают, достижение в отдаленной перспективе реального бессмертия. Но наряду с технологическими прорывами социологи сегодня с тревогой констатируют падение уровня образованности и интеллектуального развития населения всех стран. Можно сказать, что повышенному вниманию к телу человека сопутствует пропорциональное умаление внимания к его «начинке»: уму, кругозору, душе. «Производство» узких специалистов, пусть даже высокопрофессиональных в своей области, сопровождается оттеснением на задний план гуманитарных дисциплин, в том числе литературы, способствующей формированию полноценной, многогранной, одухотворенной личности. Ее место занимает массовая культура, штампуемая примитивных, безликих людей массового общества. Данный подход может определяться как бездумной односторонностью школьных и вузовских программ, когда развитие технологий признается более важным, чем развитие человеческой индивидуальности, так и намеренной дебилизацией населения властью, ведь недалекими, не задумывающимися о происходящем и о смысле жизни людьми легче управлять. Негативные результаты означенной тенденции, доводя ее развертывание до логического конца, рассматривают Юлия Зонис в антиутопии «ЗК» (2018) и Владимир Сорокин в антиутопии «Манарага» (2017).

Действие повести Ю. Зонис перенесено в отдаленное будущее и сосредоточено, в основном, на изображении состояния школы в мире высоких технологий. Герои антиутопии – ученики; у них компьютерные

классы, всевозможные электронные устройства, но программы настолько ущербные, что низкий уровень знаний и общего развития ими предопределен. Это – последствия образовательной реформы утилитаристского типа, обнажающей тот факт, что обществу нужны лишь люди-приложения к цифровым технологиям, а литература считается никому не нужной блажью, вытеснена на задворки, представлена в минимальном объеме и редуцированном до абсурда виде. Даже из Сети скачать многие классические произведения невозможно, разве что небезопасным пиратским способом. Парадоксальным образом они подпадают под статью закона о ЗК (запрещенном контенте) и «забибуниваются» (как мат) под предлогом защиты авторских прав. Но поскольку классиков уже нет в живых, интеллектуальным собственником их наследия является государство. Его Комитет по цензуре и печати позапрещал в Сети все, что не устраивает власть. И русская классическая литература объявлена себя изжившей, безнадежно отставшей от технологического прогресса, ничего будто бы не способной дать ученику супербудущего. На самом деле в изображении Ю. Зонис человеческая цивилизация в своем одномерном развитии и нацеленности не на человека, а на новые технологии и потребление деградирует. Души людей становятся все более примитивными, недоразвитыми, убогими. Именно такой тип массовых людей – ограниченных, не умеющих думать, стандартизированных – устраивает претендующих на роль «хозяев жизни» в глобальном либо «местническом» масштабе. В таких легче вдолбить представление об аномальном как нормальном, подчинить своей воле. Классическая литература оказывается «помехой» этому, так как утверждает ценности, способствующие духовно-нравственному совершенствованию человека. Не удивительно, что в обществе будущего, рисуемом Ю. Зонис, она почти полностью истреблена, в школе представлена чисто формально, в искореженном виде. К ее восприятию дети, извращенные апологетикой кибертехнологий и массовой культурой, совершенно не подготовлены, в лучшем случае оценивая рассказ И. Тургенева «Муму» как комикс, строчку М. Лермонтова «когда волнуется желтеющая “Нива”» [5, с. 231], искажая по своему разумению: под «нивой» понимая марку автомобиля (хотя как он может «волноваться»?). Ничего не говорит персонажу рассказа и название первой главы романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» «Никогда не разговаривай с незнакомцами» – он отвечает озвучившему эти слова: «Какой же ты незнакомец» [5, с. 229]. Ученица, к которой нелегально попало «Письмо к женщине» С. Есенина, недоумевает, что значит строка: «Я был, как лошадь, загнанная в мыле» [4, с. 185], – задаваясь вопросами: «Что такое лошадь в мыле? Зачем мылить лошадей? Или их так отмывали перед скачками, как Хорхе иногда моет свой циклер?» [5, с. 227].

Как это смешно, до молодых людей не доходит, а в рассказе комедийная струя уместна.

Почерпнуть необходимые знания проблемно. К тому же школьники отлично знают, что пользоваться ЗК – нарушение закона, за которое можно поплатиться. «Одно дело порнушку или рейтинговые игры с пиратских сайтов качать или там учебные проги себе прямо в процессор сливать, чтобы не зубрить, другое – запрещенный контент» [5, с. 230], – размышляет про себя главный герой рассказа, 14-летний Толик. Ведь те немногие, которые сохранили свою приверженность литературе, считаются «сдвинутыми», подвергаются «лечению», попадают в «мыцарку». Это окказионализм, произведенный от аббревиатуры МЦР, что означает «ментоскопический центр реабилитации», как завуалированно обозначается психушка, применяющая практику карательной медицины к продолжающим читать книги. Другие производные от МЦР – «ментокод», «ментоскопия», «ментоскопирование» – имеют общий корень «мент», указывающий на преследование особого рода инакомыслящих и разрушительного воздействия на их психику с использованием новейших технологий. «Излеченных» считают придурками, юродивыми, городскими сумасшедшими, всерьез их не принимают. «Законопослушные» же усваивают культивируемый стандарт, подгоняются под эталон бездумной, бесчувственной марионетки, того не понимая, деградируют.

Понижение интеллектуального уровня, огрубление нравов, общее обескультуривание отражает речь персонажей, искусно имитируемая Ю. Зонис. Для нее характерно отсутствие понятий философского, этического, эстетического характера, возвышенных определений, красочных образов. Она упрощенно опрIMITивизированная, нередко малограмотная, с суженным словарным запасом, стилевыми ляпами. Преобладает в ней сетевая, включая используемый сленг («мнемопроцессор», «мнемограмма», «паблик-интерфейс», «сервер», «чат», «р-скрин», «файл», «хедтоп», «лот», «сайт-edunet», «стафф», «хакнуть», «заблюрен», «прога», «петтить», «слить», по «йапишным»), перемешанный с иноязычной («<черный> хайер», «a bit <психованным>», «сюрпрайз», «<все будет> ok», «фа (от father)», «ма (от mother)», «мувик», «нуб») и сниженнопросторечной («нефиг <делать>», «сосались» (вместо целовались), «задолбал», «муйня», с «сиськой», «упырок», «не хорхай», «че<расскажешь?>», «кацэпэшники» (от КЦП)) лексикой. Сам русский язык у Ю. Зонис неузнаваемо изменился – стал грубым, искалеченным, напоминает волапюк (что на свой лад преломляет мировую тенденцию «профанной деконструкции» языка и преодоления «“вербального централизма” вообще» [7, с. 240, 249] в обмен на визуализацию). Передает тем не менее язык в рассказе восторжествовавшее отношение к человеку,

обозначаемому как «чел» (неуважительно-оскорбительно), «прол» (низшая каста по Д. Оруэлу), «Буртонос» (подобие деревянной куклы).

Естественные человеческие чувства могут продолжать рваться из индивида, показывает Ю. Зонис, но им не дают выхода, наказывают за отказ от роли стандартизированного психологического ЗК (здесь: зэка). Так происходит в рассказе с Толиком, влюбленным в свою одноклассницу. Это очень чистое, трепетное, можно сказать, романтическое чувство. Как его обозначить, подросток не знает, ибо слово «любовь» в изображенном обществе будущего признано запрещенным «мусорным контентом» и вытеснено понятием «секс», предполагающим исключительно половое влечение и совокупление. Последнее, однако, далеко не всегда сопровождается любовью, и значит, самое существенное при определении любви – как решительного предпочтения избранного сердцем человека всем другим в качестве объекта эмоционально-эротического притяжения и фактора обретения блаженства – отбрасывается, духовнонравственный аспект данного чувства отвергается. Более того, само слово «любовь» находится под запретом, в Сети может быть представлено только первой буквой с разъяснениями: «Л. – это слабость. Л. – это то, чего допустить ни в коем случае нельзя» [5, с. 236]. Обращающийся с вопросом, что значит это слово, к сетевой программе-помощнику, получает ответ: «Я хотел бы вступить с вами в половой контакт» [5, с. 222].

Однако запрашиваемое слово, начинающееся с буквы «Л», есть в любовной лирике классиков, и в нарушение закона об авторском праве оно замещается чисто физиологическим дубликатом. Вот, например, как начинается в этом случае стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...»:

Я вас хотел. Хотение, быть может, В
моей груди угасло не совсем
[5, с. 222].

Не говоря уже о произведенном абсурде («хотение» перемещается из половой сферы в грудь), возвышенная, романтико-психологическая составляющая данного чувства отменяется, отношения полов сводятся лишь к сексу.

Чем так помешала любовь хозяевам Сети? По-видимому, тем, что способствует облагораживанию человека, его совершенствованию. У них же установка противоположная – расчеловечивание человека, его примитивизация, завуалированные фальшивой псевдопрогрессистской риторикой.

Не сходит с рук и Толику, познакомившемуся с оригиналом пушкинского стихотворения, потребность объяснить его строками в любви к Лизке – ведь любовь, доказывает Р. Барт, – «это прежде всего слова

любви» [1, с. 236], и для отношений двоих они чрезвычайно важны. Между тем в изображаемом писательницей будущем все находится под контролем электронных устройств. По мозгу подростка нанесен мощный электронный импульс-удар, от которого темнеет в глазах, утрачивается ориентация в пространстве, речь становится бессвязно-неуправляемой, напоминает бред. Окружающим Толик напоминает ненормального. Такова расправа за самостоятельность и выбор в пользу настоящей литературы, а с ней – и настоящего чувства.

Антиутопия Ю. Зонис направлена на развенчание скрытототалитарной технологократической модели будущего как примитивизирующей человека, лишаящей его духовной составляющей, общекультурного фундамента.

Каждому «приходилось слышать, что мы живем в эпоху взлома компьютеров, но это лишь половина правды. На самом деле мы живем в эпоху взлома человека» [9, с. 142], – констатирует Ю.Н. Харари, имея в виду перенастройку сознания людей, отбросив (либо трансформировав до неузнавания) накопленные человечеством ценности, замещаемые «ультрапрогрессивными» суррогатами. Негативные последствия осуществляемого «взлома» и показывает Ю. Зонис. «Бесполезная» (не прагматичная, не сулящая больших дивидендов) литература – мощный противовес этому.

Аналогичную проблему поднимает В. Сорокин в романе «Манарага», хотя избирает свой аспект моделирования мира цифрового будущего, показанного как Новое Средневековье, несмотря на бурное развитие высоких технологий. Ставка на них делается исключительно ради получения максимально возможных прибылей, идеалом является «рай потребления», духовно-нравственному развитию людей не придается никакого значения. Видимость прогресса в данном отношении создают биотехнологические эксперименты над телом человека: в различные его части, включая мозг, внедряются чипы, позволяющие получать необходимую информацию, ориентироваться в пространстве, принимать какие-то решения в то время, как самостоятельная интеллектуальная работа и развитие эмоциональной сферы исключаются. Так, персонаж Геза, от лица которого осуществляется повествование, имеет в мозгу три *блохи* (=чипа) разного типа, но, как признается самому себе, без них не смог бы перемножить 17 на 19. Человек оказывается приложением к искусственному интеллекту, а не наоборот. Популярны операции не только по смене пола, но и по наделению человека какими-то признаками животного, ведущие к появлению зооморфов. Таковы, например, появляющаяся на страницах романа девушка с лицом, покрытым шерстью, и с копытцами, или блеющая новобрачная с признаками овцы и ее суженый с когтями тигра. Использование сюрреалистических образов позволяет сделать внутреннее внешним, визуализировать степень деградации, постигшей цивилизацию.

Перевернутость системы ценностей гротескно отражает текст рукописи гиганта с лисьим лицом, концептуально переписавшего книгу Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» в зооморфном ключе. Вот ее основополагающий постулат: «О заблудившийся в самом себе!.. Полжизни своей ты потратил на несбыточное. Ты бежал от зверя к сверхчеловеку и потерял себя. Ты жалок и пуст. Кто способен наполнить тебя? Только зверь! Ты искал сверхчеловека? Теперь ступай назад и ищи зверя! Он наполнит собой твоё человеческое, слишком человеческое. И ты, наконец, станешь сверхчеловеком» [8, с. 139].¹ Под сверхчеловеческим новым ницшеанцем понимается отказ от сложившихся в культуре моральных норм, готовность следовать лишь своей «воле», своим эгоистическим побуждениям, не считаясь с другими и не останавливаясь, если посчитает нужным, даже перед убийством. Зло в этом случае выступает в маске добра, и данная тенденция в изображаемом мире будущего доминирует.

Духовные интересы людей, основанные на гуманных ценностях, не поощряются, более того, последовательно вытесняются. Красноречиво свидетельствует об этом судьба книги – печатной и рукописной, символизирующей в романе культуру вообще. Из живого бытования в эпоху интернет-ресурсов, смартфонов и чипов, перемещения в виртуальность она ушла, оказалась отправлена на помойку. Печатать книги перестали как никому не нужный будто бы хлам. Правда, просвещенная часть человечества добилась размещения в библиомузеях некоторого процента особо ценных, раритетных изданий классики в качестве музейных экспо -

¹ См. у Ф. Ницше:

«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя чем превзойти человека? <...>

Вы свершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяны, чем иная из обезьян. Даже мудрейший среди вас есть только негармоничная, колеблющаяся форма между растением и призраком. Но разве я велю вам стать призраком или растением?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!» [6, с. 12]

натов: «испугалась, что без музейной книги Homo Sapience окончательно превратится в обезьяну с айфоном в лапе» [8, с. 17]. И, подобно исчезающим видам растительно-животного царства, «книгу занесли в Красную книгу» [8, с. 17], ценность ее формальным образом повысив. Однако последствия в мире, где правят деньги, при безразличии к духовной сфере жизни, оказались обратными ожидаемому. За столь ценными экземплярами началась охота криминальных групп для использования их в подпольном

бизнесе book's grill в качестве своеобразных *дров*, на которых готовятся супердорогие кушанья. На book's grill в обществе возникла мода. Во-первых, после завершения Второй Исламской революции и порожденной ею большой войны на территории Европы (о чем упоминается в романе) многим хотелось просто «пожить», отдохнуть, развлечься, никакой умственной работой себя не обременяя¹; во-вторых, имеющие возможность позволить себе столь дорогое удовольствие, как book's grill, за сумасшедшие деньги, испытывали от вкушаемого особое наслаждение, ибо демонстрировали свою «исключительность», выделенность из массы. В принципе идеалом оставалось все то же довоенное потребление, но хотелось внести в него некоторое разнообразие – то, чего раньше не было.

Без малейшего осуждения вспоминает Геза историю новой Кухни, нацеленной на непосредственное уничтожение (=сжигание) книг, не без сентиментальной ноты вспоминает: «Первый стейк был зажарен двенадцать лет назад в Лондоне на пламени первого издания “Поминок по Финнегану”, выкраденного из Британского музея. Его приготовили и съели четверо великих мужей – психоаналитик, флорист, биржевой брокер и контрфаготист. Так родился book's grill. Это положило начало великой страсти, ставшей за эти стремительные годы великой традицией» [8, с. 15–16].

В. Сорокин прибегает к буквализации метафор, общих понятий, фразеологизмов, доводит возникающий гротеск до абсурда, дабы обнажить ничуть не смущающий персонажа вандализм; на то же работают целые мафиозные кланы, а со стороны общества реального осуждения нет – напротив, число клиентов, как узнает читатель, непрерывно растет.

Автор активно использует прием присвоения book's griller относящейся к литературе лексики, фразеологии при наделении высказывания «обратной» семантикой. То и дело Геза восклицает: «Все-таки Книга – это целый мир, хоть и ушедший навсегда», «книгу надо любить», «да

здравствует Литература!» [8, с. 10, 11, 15], но и разъясняет, каков род его «любви»: «А я люблю русскую классику, хотя не прочел и до середины ни одного русского романа. Я не буду жарить стейк на писателе второго сорта, вроде Горького» [8, с. 10]. Знает Геза рейтинг, каковым наделена книга в информационном поле (чем выше, тем лучше) и фактуру книги, с которой предстоит «работать». Цинизм его рассуждений не имеет предела, выражения, традиционно использовавшиеся в переносном смысле слова, он употребляет в прямом: «Книга должна быть *яркой*: пылать и поражать...

¹ Голубая мечта Гезы, надеющегося разбогатеть, примерно такого же рода:

«В сорок лет сменю внутренние органы, сделаю новое лицо, обновлю член, запущу в мозг суперблех...

«И наше счастье будет длиться в-е-е-е-е-е-е-чно!» [8, с. 209].

Переплет, каптал, коленкор, картон, марлевые клапаны, пеньковый шнур, закладки, казеиновый клей, засушенные цветочки, книжные вши, клопы или тараканы в корешке – все это скрытые угрозы. Их необходимо учитывать» [8, с. 8]. На подмене значения слова во многом основан жаргон book's grillers: «У нас говорят: этот повар хорошо *читает*. Я *читаю* прилично. А значит – страницы пылают, одна за другой, завораживая клиентов, мясо шипит, глаза блестят, гонорар растет» [8, с. 9]. «*Читать*» в контексте его изуверженных рассуждений – именно сжигать, уничтожать предназначенное для чтения; «букинистические пиры» – ритуал сожжения большого количества редких книг, похищенных (нередко сопровождаясь и убийствами) у букинистов. А вот одно из «меню» Гезы: «Сегодняшнее чтение – трудоемкое. Тройной гриль: “Подросток” Достоевского, “Чевенгур” Платонова и сборник рассказов Зощенко. Соответственно: стейк из мраморной говядины, молодые кальмары, стейк из морского черта. Придется повозиться» [8, с. 46]. Клиенты, востребовавшие новую Кухню, соответственно именуются *читателями*. Некоторые из них проявляют на «букинистических пирах» свою долю активности, описание каковой усиливает ощущение абсурдности происходящего. В пародийном ключе представлены задействованные в book's grill рукописи клиента, в образе развесистой клюквы имитирующего Л. Толстого, подражателя Ж.-П. Сартра, запутывающего до искажения положения его работы «Mea culpa», уже упоминавшегося ницшеанца, отстаивающего то, против чего создатель «Заратустры» выступал, группа клиентов-актеров, разыгрывающих во время «пира» роли персонажей «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, ничем, по большому счету от них не отличаясь. Своей готовностью принимать участие в сжигании книг все они, сознают это или нет, участвуют в глумлении над авторами, почитателями которых себя репрезентируют.

Звездой шеф-поваров новой Кухни считается «французский классик» Анри: «Сколько томов Гюго, Стендаля и Бальзака он сжег – трудно и вообразить» [8, с. 112]. Улыбающийся «своей американской улыбкой» калифорниец сделал «крепкую карьеру на Соле Беллоу» [8, с. 113]. О форшмаке и куриной печенке на Шолом-Алейхеме старика-еврея Абрама «ходят легенды» [8, с. 114]. Другими словами, речь у В. Сорокина идет о международном явлении, и Геза едва успевает пересаживаться с самолета на самолет, чтобы обслужить клиентов в разных уголках мира.

Совокупный перечень поминаемых Гезой авторов, книги которых востребованы для сожжения, – от Шекспира до Мисимы – весьма солиден. Это отражает масштабы борьбы с культурой в цифровом мире, что оценивается автором как «залог всеобщей дебилизации» [8, с. 151].

Показательны сниженно-жаргонные обозначения книг, принятые в этой среде: «*дрова*» (общее), «*полено*» (1 книга), «*вязанка*» (пачка книг), «*кладень*» (солидный книжный груз), «*головешки*» (не прогоревшие части

книги). Сами же «повара» не сознают оскорбительности используемого жаргона, просто выражают свое реальное восприятие литературы. Знаменитую фразу «Рукописи не горят» [3, с. 232] из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» они уточняют по-своему: мокрые или подмоченные конкурентами рукописи действительно не горят. Все остальное их деятельностью опровергается, и даже в какой-то момент принимается решение легализовать подпольный бизнес и расширить его, перейдя к созданию молекулярного продукта – фальшака, ни в чем не отличимого от оригинала и производимого в бесчисленном множестве экземпляров. Технологии будущего позволяют это сделать, то есть окончательно сделать из литературы «отбивную», так что и мысли о каком-то ином ее предназначении не возникнет у новых поколений, являющихся на свет. В случае чего предпримут необходимое чипирование, меняющее содержание мозгов.

Сравнительно с Ю. Зонис у В. Сорокина гораздо более выражен социально-исторический аспект. Вот что говорится о странах послевоенного мира: в Лангедоке, Пруссии, Баварии – монархизм, в Трансильвании – банальный феодализм; примерно то же – в других странах, причем нередко власть в них принадлежит мафиозным кланам. Так что обозначение проецируемого будущего как Нового Средневековья вполне оправдано. Свою роль в откате назад, дает понять В. Сорокин, сыграл отказ от культурной традиции, игнорирование литературы либо чисто спекулятивное ее использование, лишаящее людей проверенных веками ценностных ориентиров. Жизнь без литературы – путь в никуда, и в цифровую эпоху она должна сохранить свою роль путеводной звезды человечества.

И. Бродский в своей Нобелевской речи не побоялся высказаться со всей определенностью, заявив, что именно литература «представляет собой нашу видовую цель» [2, с. 455], вбирает в себя и философию, и социологию, и этику, и эстетику, и научные открытия и стимулирует превращение человека «из общественного животного в личность» [2, с. 452]. Не в этом ли подлинная цель истории? Человек и его благо? Ведь без полноценного человека не может быть и полноценного общества, полноценного будущего.

Библиографические ссылки

1. Барт Р. Фрагменты любовной речи. М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Бродский И. А. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. Т. 2. Мн.: Эридан, 1992. С. 450–462.
3. Булгаков М. Избранное: Роман «Мастер и Маргарита». Рассказы. М. : Худож. лит., 1980.
4. Есенин С. Стихотворения. М. : АСТ; Мн.: Харвест, 2006. С. 285–288.
5. Зонис Ю. ЗК // 1984 – 2084: [сб.]. М.: АСТ, 2018. С. 219–238.

6. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.
7. *Секацкий А.* Последний виток прогресса (От Просвещения к Транспортиции): Исследования. СПб. : ООО «Изд. К. Тублина», 2012.
8. *Сорокин В.* Манарага: роман. М. : Изд. АСТ: CORPUS, 2017.
9. *Харари Ю. Н.* 21 урок для XXI века. М. : Синдбад, 2019.